

пророщенная соя и блины. После проведения каждых поминок на дереве оставляли зарубку.

Таким образом, у тазов Приморья сохраняются древние традиции в свадебной и похоронной обрядности (ритуал начинают с восхода солнца). Черный и частично белый цвет – траурные. Белый цвет считался траурным у чжурчженей, удэгейцев и орочей. В новых условиях примитивная архаическая обрядность тазов стала быстро отмирать. Исчез обычай, предписывающий изоляцию роженицы. Упростилась свадебная и похоронная обрядность, отмерли обряды, связанные с выплатой калыма. Иногда наблюдается обычай стрельбы из ружья. Но подобные действия рассматриваются как развлечения.

Больше всего сохранилось традиционных элементов в погребальных и поминальных обрядах. Среди молодёжи утвердилось современное отношение к кладбищу. Надгробия рассматриваются как память об умерших близких, разработана внешняя сторона современного погребального ритуала, формируется новая обрядность с учётом местных традиций.

1. Арсеньев В.К. Лесные люди удэгейцы: в 6 т. – Владивосток: Примиздат, 1948. Т. 5. – С. 139–188.

2. Подмаскин В.В. Народные знания удэгейцев: историко-этнографическое исследование по материалам XIX–XX вв. – Владивосток: ДВО РАН, 1998. – 228 с.

3. Подмаскин В.В. Этномедицина и этнодиетология в истории и культуре народов Дальнего Востока России (XVIII–XX вв.). – Владивосток: ИИАЭ НДВ ДВО РАН, 2011. – 304 с.

4. Сем Ю.А., Сем Л.И. Тазы: этническая история, хозяйство и материальная культура (XIX–XX вв.) // Тр. Института, ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН: этногр. исследования. – Владивосток: Дальнаука, 2001. Т. 10. – 172 с.

Список сокращений:

ПМА – полевые материалы автора.

ПФРГО – Приморский филиал Русского географического общества.

С.А. Рыбальченко,

Литературно-мемориальный музей А.А. Фадеева, филиал
Приморского государственного объединенного музея
имени В.К. Арсеньева
Приморский край, с. Чугуевка

ТОПОНИМИКА В РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЯ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ФАДЕЕВА

«Велика наша Россия. Это становится особо зримо, если посмотреть на карту земного шара. Но есть еще и особая карта – литературная. И на этой карте есть Болдино и Михайловское, есть Спасское-Лутовиново и Ясная Поляна, есть станица Вешенская и село Константиново. И есть на этой литературной карте Чугуевка. Весь мир знает Приморский край только потому, что здесь жил Фадеев...» [17, с. 2]. Одной из важных сторон биографии писателя считается место, где он был рожден и провел детские годы – иначе говоря, малая родина. Существует тонкая и сложная взаимосвязь между художественным произведением и местом, вдохновившим писателя на его создание. Малая родина – это не просто место, это атмосфера, это люди, повлиявшие на развитие в будущем. Увиденное и услышанное в детские и юношеские годы остается на всю жизнь с человеком, а художник, способный воплотить свои переживания в образ, зачастую использует эти впечатления в своих произведениях.

Александр Фадеев родился в селе Кимры Тверской губернии, детские и юношеские годы прошли в Приморье. В 1908 году семья Фадеевых переехала на Дальний Восток, а в конце 1911 года обосновалась в селе Чугуевка Южно-Уссурийского края. «Фадеев был влюблен в могучую природу Приморья с курящимися сопками, великанами-кедрами, разливами непорченных рек, в сильных и мужественных людей – русских переселенцев, туземцев-гольдов, рыбаков и звероловов». [29, с.10]. С юных лет Фадеев зачитывался М. Ридом, Ф. Купером, Д. Лондоном, сам пробовал сочинять рассказы и повести о вольнолюбивых индейцах, писал очерки и рассказы, публиковал их в рукописном ученическом журнале «Общий внеклассный труд». Помнил Фадеев и поездку с группой учащихся Владивостокского Коммерческого училища в город Хабаровск. Большой интерес вызвал у них Хабаровский музей своими богатыми коллекциями по этнографии Дальнего Востока. Музей учащиеся осматривали под руководством его директора, известного путешественника В.К. Арсеньева. Тогда же, в начале 1913 года, по просьбе учащихся В.К. Арсеньев целый вечер посвятил

рассказу о своих путешествиях, охотах и встречах с удэгейцами, орочами, ульчами. Теплое отношение путешественника к этим народам произвело на учащих глубокое впечатление. Недаром спустя много лет, собирая материалы для своей книги «Последний из удэге», писатель вспоминал свои встречи с замечательным путешественником и говорил: «Вот наладим работу нашей писательской организации – и все написанное о Дальнем Востоке издадим: и Федорова-Омулевского, и Буссе, и, конечно, Арсеньева» [18].

«Как писатель, своим рождением я обязан этому времени», – отмечал А. Фадеев, вспоминая о годах гражданской войны. В 17 лет Фадеев вступил в РКП (б) и принял партийный псевдоним Булыга. «Фадеев жил в землянках, шалашах, ходил в разведку, возвращался с поручениями в город и снова уходил в сопки и тайгу. Участвовал в упорных боях с белогвардейцами и японцами под Спасском, Хабаровском и в Забайкалье, был тяжело ранен» [28, с. 5]. В партизанском отряде Александр Фадеев прошел путь от рядового бойца и политрука пулеметной команды до комиссара бригады. «Фадеев носил с собой в полевой сумке несколько толстых тетрадок, в которых делал обстоятельные записи... Они сослужили нам не раз хорошую службу. Когда нужно было получить обстоятельные сведения о каком-нибудь селении и его людях, Лазо и я вызывали из отряда Сашу Фадеева и просили его прочесть соответствующие записи из его тетрадок», – вспоминал М.И. Губельман. Осмысля события революции и гражданской войны, Фадеев задумывает создание широко эпического полотна из жизни Дальневосточного Приморья, так возник замысел романа-эпопеи «Последний из удэге». Его первая повесть «Разлив» (1923 г.) и рассказ «Против течения» (1924 г.), а также роман «Разгром» (1924–1926) родились из огромного жизненного материала, которым располагал молодой писатель [15, с. 8]. Произведения об уже отшумевших событиях революции и гражданской войны на Дальнем Востоке воспринимались читателями как весьма актуальные. Фадеев уловил главные закономерности эпохи, те связи, которые соединяют день вчерашний и день нынешний, он отразил в своих произведениях значительные события в обществе, происходившие в начале XX века в нашей стране. Фадеев был «своим» для жителей Приморья в далекой столице, а его произведения сделали нас «своими» для европейской части государства. Если раньше Дальний Восток был каким-то затерянным в лесах «оплотом белой армии», то с популяризацией книг Александра Фадеева читатели начали воспринимать Дальневосточный край как полноправную часть единого неделимого государства.

В настоящее время вырос интерес к топонимам в творчестве А.А. Фадеева. Все чаще можно услышать вопрос: «Почему в произведениях Фадеева есть

названия, которых нет на современной карте»? «Что послужило причиной переименования причудливых названий рек и населенных пунктов»? «Почему именно так, а не иначе названа река Уссури, село Чугуевка»? На наш взгляд, тема топонимики в ранних произведениях А.А. Фадеева сегодня очень актуальна и востребована. Литературное наследие Александра Фадеева занимает немаловажное место в русской литературе и культуре, исследованы многие аспекты его жизни и творчества, но работы, посвященной исследованию топонимов в его ранних произведениях, не встречалось. К теме топонимики в романе «Разгром» А. Фадеева обращались: приморский писатель В.О. Авченко «Разгром век спустя»; филологи из Владивостока О.Л. Рублева, Е.А. Кулакова «Топонимическое пространство романа А. Фадеева «Разгром»». «На языке науки топонимика – это история географических названий. На языке чувств топонимика – это Родина, место, где мы родились, к которому пожизненно прикипели душой, сроднились с предметом ее изучения – названиями родной земли. Названия эти вошли в нас так естественно и прочно, как имена родителей и самых близких людей» [12, с. 72]. Топонимы это не просто имя какого-либо географического объекта, это исторический след на карте, у которого есть собственная история возникновения, языковое происхождение и смысловое значение. Появление топонимов на картах Дальнего Востока можно разделить на три основных исторических периода: 1) названия, данные русскими землепроходцами в XVII в., 2) названия, нанесенные на карту первыми географическими экспедициями, данные администрацией края, первыми переселенцами во второй половине XIX – нач. XX в., 3) названия, появившиеся в советский период. По информации, которую несут в себе топонимы Приморского края, можно классифицировать следующим образом: особенности приморского ландшафта; экономика края в топонимике; особенности освоения и заселения края; страницы истории; имена на карте края; православие на карте края. Применение Фадеевым топонимов во всех их разновидностях – названия городов, волостей, сел, деревень, рек, заливов, горных хребтов, вершин, холмов, долин – стало отличительной чертой ранних произведений писателя, делающих их не похожими на любые другие в русской литературе. В названиях звучит прошлое Дальневосточного края, его культура. Это значит, что практически каждый топоним, упоминаемый Фадеевым на страницах произведений, может быть найден и отмечен на географической карте России. Как реальные, так и вымышленные топонимы в произведениях Фадеева обозначают определенное пространство, конкретизируют и ограничивают место действия, где развиваются события, и в то же время они остаются как бы «застывшими», наименования не изменяются ни во времени, ни по форме. Образ времени и места действий построен на реально-географических параметрах, отра-

жена специфика ситуации конкретного места в истории гражданской войны – на Дальнем Востоке и в Приморье. «По словам разведчика, главный японский штаб стоял в Яковлевке. Две роты из Спасск-Приморска передвинулись в Сандагоу, зато Свягинская ветка была очищена, и до Шабановского Ключа разведчик ехал на поезде вместе с двумя вооруженными партизанами из отряда Шалдыбы». (А. Фадеев «Разгром»). «Если при жизни Фадеева большинство приведенных в ранних произведениях топонимов оставались актуальными, то сегодня текст нуждается в историко-топографической расшифровке. Кроме того, некоторые названия Фадеев, видимо, придумал, создав художественное пространство, пересекающееся с реальностью лишь частично. С одной стороны, по книгам Фадеева можно изучать историю Гражданской войны в Приморье. Первый этап описан в «Последнем из удэге», далее «Разгром» – тоже реальные события, к следующему периоду относится рассказ «Против течения». – С другой стороны, топонимика в произведениях Фадеева достаточно условна. На приморских дорогах и тропах, на сопках и в распадках перемешиваются литература и история, факты и вымысел, прошлое и настоящее» [2].

Создавая одно из своих первых произведений повесть «Разлив», Фадеев использовал воспоминания своей юности о родной Чугуевке и прилегающей к ней деревням, придавая повествованию больший дальневосточный колорит, изменил название села на Сандагоу. «... Иные события волновали жителей Улахинской долины. Сердце этих событий билось за девять тысяч верст от Сандагоуской волости – в далеком неизвестном Питере, но отзвук этого биения чувствовался здесь – у южных отрогов Сихотэ-Алиньского хребта» (А. Фадеев «Разлив»).

В ранних произведениях Фадеева топонимы занимают значительное место (около 140 названий). Чаще всего встречаются такие классы топонимов, как ойконимы – названия населенных пунктов, городов, сел, городских поселков, деревень; гидронимы – названия гидро-графических объектов, морей, рек, озер, заливов; оронимы – названия форм рельефа, горных хребтов, вершин, холмов, равнин, низменностей; этнонимы – названия, отражающие наименования племен, народов, наций, антропонимы – названия, в основе которых лежат имена, фамилии людей; хоронимы – названия административно-территориальных единиц, имеющих определенные границы – государства, края, района и т.д.

Самую большую группу топонимов в ранних произведениях Фадеева составляют русские (славянские) названия населенных пунктов. Они связаны с именами и фамилиями основателей, первооткрывателей и чиновников Переселенческого управления, землемеров, высокопоставленных лиц гражданских и военных ведомств. Некоторые топонимы населенных пунктов

отражают отличительные признаки объекта или род занятий жителей. Небольшой группой представлены топонимы, перенесенные из мест выселения, названия, повторяющие географию европейской части страны. Ойконимы: Анучино; Владимиро-Александровское; Бровничи; Владивосток; Воробьевка; Екатериновка; Зеньковка; Известка; Коровенки; Крыловка; Марьяновка; Монакино; Москва; Нерчинск; Николаевск; Николаевка; Новолитовская; Одесса; Ольга; Омск; Орехово; Перятино; Петроград; Посыет; Ракитное; Самарка; Свягино; Симферополь; Скобеевка; Сниткинский куток; Соломенная; Спасск-Приморск; Томск; Уборка; Утесное; Хабаровск; Хмельницкая; Хмыловка; Чита; Чугуевка; Шкотово; Яковлевка. «Лет десять тому назад окончил Иван Кириллыч Спасск-Приморское трехклассное училище. Он побывал во многих городах и селах Дальнего Востока. Много повидал людей и немало понаделал дел. Вместе с забубенной головой, Харитоном Кислым, участвовал в прокладке тоннеля через Орлиное Гнездо к минному городку Владивостока. Стучал пудовым молотом в военном порту. Грузил ящики на Чуркином мысу. Месил цемент в Спасск-Приморске» (А. Фадеев «Разлив»).

Освоение территории нынешнего Чугуевского района русскими людьми началось в 80-е гг. XIX века, в эпоху массового переселенческого движения на Дальний Восток. «Таксатор Вахович работал в этих краях уже третью весну, прокладывая просеку с верховьев Улахэ на Вангоу» (А. Фадеев «Разлив»).

«За Неретиным народ хлынул лавиной. Неумолчно визжали пилы, стучали топоры, в долине редели леса, и пыльный желтый тракт на двести верст прорезал угрюмые дебри от Спасск-Приморска до Сандагоу...» (А. Фадеев «Разлив»). В 1900 году Уссурийская Межевая партия по образованию переселенческих участков и отводу земель переселенцам произвела топографическую съемку в долине реки Улахе. Были составлены проекты и описания 16 будущих переселенческих участков, которые вошли в состав Ивановской волости Южно-Уссурийского округа. «Пришельцы не знали здешних законов. Им чужда была дикая воля Сихотэ-Алиньских отрогов. Они несли с собой свой порядок и свои законы. Так старое смешалось с новым...» (А. Фадеев «Разлив»). «Первый русский пришелец – Кирилл Неретин – поднял твердый коричневый дерн железным плугом, и его свежестроенные амбары ломались от полнозерного хлеба» (А. Фадеев «Разлив»).

«Хозяйство у деда Кирилла было крепкое: он жил всей семьей, не разделяясь. Когда старшие сыновья ушли на фронт (младший давно не жил дома), дед не сильно растерялся. Он мог еще работать сам, снохи – дебелие и

крепкие бабы из-под Томска – пахали и косили, как мужики, а внуки-подростки тоже ели хлеб не попусту» (А. Фадеев «Разлив»).

Значительное место в ранних произведениях Фадеева занимают иноязычные (китайские и тунгусо-маньчжурские) топонимы. Ойконимы: Бейцухе; Вангоу; Иман; Кангауз; Майхе; Сандагоу; Сица; Сучан; Ханихеза; Хайшеньвэй; Шибиши. «Теми днями шел по инородцам послух, что, уходя из Сандагоу, взял Тун-ло у Неретина чудодейственную бумагу к русскому Старшому в Хай-шинвее...» (А. Фадеев «Разлив»). В конце 50-х годов XIX века отдельные китайцы проникали на территорию края. По роду своих занятий (поиски женьшеня, добыча золота, охота и ведение торговли с аборигенами) эти отходники проникали в таежные районы, устраивали временные фанзы и жили некоторое время. Затем возвращались к себе на родину. Пришлым китайцам в новых местах необходимо было ориентироваться, и они аборигенные названия передавали, переименовывали на свой лад. В 1858 году М.И. Венюков путешественник, историк, этнограф проводя топографические работы в верховьях р. Уссури, обнаружил в долинах рек Нынту и Фудзина китайские фанзы. После опроса их обитателей он записал несколько китайских названий близлежащих рек: Ситуха, Сандага, Тадуха. После обработки и изучения полевых исследований была составлена географическая карта Приморья, на которую были нанесены китайские топонимы и гидронимы, впервые обозначена китайская фанза «Сандагоу» [24, с. 12–13]. Совокупность топонимов, распространенных на территории Приморья до 1972 года, характеризует дальневосточную окраину России как место активного взаимодействия трех этнокультурных элементов: русского, китайского и тунгусо-маньчжурского происхождения [10, с. 83–89]. К середине 60-х годов XX века резко ухудшились политические отношения между СССР и КНР. Пиком такого противостояния стали бои между советскими и китайскими войсками за остров Даманский на реке Уссури. В 1972 году, желая раз и навсегда избавиться от чьих либо притязаний на Приморский край, Постановлением совета министров РСФСР № 753 «О переименовании географических объектов на территории Приморского края» все без исключения топонимы, которые звучали не по-русски, были переименованы. В результате наряду с китайскими названиями были ликвидированы топонимы и гидронимы аборигенного происхождения [9, с. 14–15].

Гидронимы в произведениях Фадеева выполняют ориентационную функцию, обозначая характерный объект на местности, взаимодействуя с сюжетной линией текста, с образами, созданными писателем. Амур; Аргунь; Бикин; Вангоу; Вторая речка; Даубихе; залив Петра Великого; Ирохедза; Кангауз; Кедровая; Майхе; Ното; Садучар; Сандагоу; Сундуга; Сунгари; Сунгач; Сучан; Сыдагоу; Тетюхинская бухта; Тудо-Вака; Улахэ; Уссури;

Уссурийский залив; Ханка; Хаунихедза; Фудзин; Хор; Цимухэ; Шабановский Ключ; Эрльдагоу; Японское море. «С горы открывался вид на корпус и трубы военного порта, на залив Петра Великого, на дымную бухту, заставленную судами, на зеленый лесистый Чуркин мыс. За мысом простиралось Японское бирюзовое море, видны были скалистые, поросшие лесом голубые острова» (А. Фадеев «Последний из Удэге»). «Большая река Нота, а Улахэ еще больше. Нота идет в Улахэ на полтора верста ниже Сандагоу, и в этом месте – Самарка. Есть еще ключ Садучар. Он пришел из голубых Сихотэ-Алиньских отрогов и вынес в самое сердце хлебных полей хвойный пихтовый клин. Растрепал Нотовы берега, взбаламутил спокойную воду, натащил тяжелых таежных карчей. Садучар – холодный и суровый красавец» (А. Фадеев «Разлив»). «Это была Центральная протока, вытекавшая из Амура в пятидесяти верстах выше Хабаровска и впадавшая в Уссури верст на сорок выше того же города. Пароход должен был спускаться по Уссури до устья протоки и, свернув в нее, идти против течения до тех пор, пока не попадет в Амур (А. Фадеев «Против течения»).

Используя в произведениях разные виды топонимов, Фадеев создает «своего рода контурную карту, на которую накладывается действие». Они взаимодействуют с другими языковыми способами воспроизведения действительности, играя в контексте яркую и выразительную роль. «Левинсон решил заночевать в тайге, потому что не был уверен, что низовье Хаунихедзы свободно от неприятеля. Однако он надеялся, что даже в этом случае ему удастся, прощупав путь разведкой, пробраться в долину Тудо-Ваки, богатую лошадьми и хлебом» (А. Фадеев «Разгром»).

Малочисленной группой в произведениях Фадеева представлены топонимы «прозвища». «Это неофициальные названия объектов (преимущественно районов города Владивостока), которые отражают внутренние, отличительные признаки, например: Гнилой угол – район за Луговой, где были болота, луга, откуда на город наплывал туман. Топонимы варианты – это чаще всего укороченные варианты от официальных названий: Голубинка – Голубиная падь, Куперовка – Куперова падь, Корейка – Корейская слободка» [13, с. 47–49].

«По эту сторону бухты теснились расцветенные солнцем дома: они, лепясь, лезли на гору; видна была извивающаяся, кишашая людьми лента главной улицы и вливающиеся в нее боковые пересеченные улочки. Влево и вправо по горам и падым в дымке от фанерных заводов и мельниц тянулись слободки – Рабочая, Нахальная, Матросская, Корейская, Голубиная падь, Куперовская падь, Эгершельд, Гнилой угол» (А. Фадеев «Последний из удэге»). Оронимы названия форм рельефа, горных хребтов, вершин,

холмов, равнин, низменностей, нередко встречаются в произведениях Фадеева.

Хребет Дзуб-Гынь; Дубовая сопка; Лейборадза; Орлиное гнездо; Сихотэ-Алинь; Тигровая падь; Тудо-Вака, Тудо-Вакская долина, Тудо-Вакский тракт; Чиндалаза; Чуркин мыс. «После многоверстного перехода через Удегинский отрог, во время которого отряд питался только виноградом и попаренными над огнем грибами, Левинсон вышел в Тигровую падь, к одинокой корейской фанзушке в двадцати верстах от устья Ирохедзы» (А. Фадеев «Разгром»). Чаще всего упоминается ороним – Сихотэ-Алинь – старое название – Дзубгэ. Дзуб-Гынь – гольдское название Сихотэ-Алиня. «На востоке, обвинившись сырыми туманами, сгорбил мощную спину Сихотэ-Алиньский хребет. Крался там по иглистым тропам маньчжурский полосатый тигр, утопал во мху когтистой бархатной лапой. И, может быть, еще тише и скрытней пробирался за ним – шебуршал отполированным в траве улом – седой и молчаливый таежный сын, Тун-ло» (А. Фадеев «Разлив»). Сихотэ-Алинь – главная горная система Приморья, все остальные земные объекты как бы подчинены ему: все реки берут начало с его многочисленных вершин, «древних сихотэ-алиньских отрогов», и текут по долинам, а в долинах, по берегам рек, селятся люди, ставят села и деревни. И потому имена гор, падей, населенных пунктов, как эхо, вторят друг другу: река Улахэ – Улахинская долина – улахинские притоки; село Сандагоу – река Сандагоу; село Ханихеза – река Ханихеза – урочище Ханихеза» [22].

В произведениях Фадеева присутствуют этнонимы – живые свидетели, сохранившие до наших дней названия древних племен, народов. Гольды, китайцы, корейцы, маньчжуры, орочи, русские, тазы, удэге, хунхузы, японцы. В описании быта, нравов, характеров представителей разных этнических групп писатель опирался на исторические источники, этнографические очерки и в первую очередь на исследования и книгу В.К. Арсеньева «По Уссурийскому краю». Судьбы представителей этих групп показаны в обстановке кануна первой мировой войны, периода войны, революции, интервенции и партизанского движения на Дальнем Востоке. «Где-то еще жил в ладу с таинственной силой неизвестный и неисчислимый, как песок, народ китайцы. Оружие, материи, посуда, орудия для обработки земли шли от китайцев к маньчжурам, а от маньчжуров попадали к племенам, кочевавшим по рекам за хребтом Дзуб-Гынь...» (А. Фадеев «Последний из удэге»). Писатель проделал большую работу по изучению быта, условий жизни, общественного устройства и семьи удэгейцев. Накапливая материал, писатель ориентировался на художественное изображение быта и внутреннего облика человека родового строя в Дальневосточном крае. «Племя удэге кочевало в широкой и очень длинной полосе лесов и рек, протянув-

шихся между хребтом Дзуб-Гынь и океаном, и по ту сторону – рек, получивших эти названия много позже от китайцев. Эти реки впадали в одну большую реку, за которой жил народ маньчжуры» (А. Фадеев «Последний из удэге»).

Изучение истории родного края с помощью топонимики в ранних произведениях А. Фадеева служит прекрасным средством стимулирования познавательного интереса к прошлому и настоящему своей малой родины. Это уникальная возможность стать ближе к нашим предкам, понять, как и чем они жили, а значит, лучше познать самих себя. Когда читаешь произведения Александра Фадеева и обнаруживаешь в них названия родных тебе мест, в душе возникает чувство гордости, искреннего восторга и огромного уважения к писателю, прославившему Дальний Восток, Приморский край на страницах своих произведений. «Фадеев – человек-легенда, человек-эпоха, человек-совесть. Какую интересную, непростую жизнь он прожил. Важная часть этой жизни прошла на земле, на которой мы с вами сейчас живем. Давайте помнить об этом и гордиться нашим выдающимся земляком» [19, с. 6–7].

1. Авченко В.О. Фадеев. М.: Молодая гвардия, 2017. – 366 с.
2. Авченко В.О. Разгром век спустя // Новая газета во Владивостоке. 20.06.13. №192, [Электронный ресурс]. URL: <http://novayagazeta-vlad.ru/192...razgromvevspustya>
3. Агеева Р.А. Происхождение имен рек и озер. – М.: Наука, 1985. – 143 с.
4. Айзек Азимов. Слова на карте. Географические названия и их смысл. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 367 с.
5. Алексахина Н.И. Александр Фадеев и Дальний Восток. – Владивосток: Красное знамя, 1990. – 32 с.
6. Беляев Б.Л. О ранних литературных опытах А.А. Фадеева // Ученые записки Красноярского педагогического института. 1959. Т. 13. С. 102–115.
7. Бондалетов В.Д. Русская ономастика: учебное пособие. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
8. Владивосток в названиях от А до Я: топонимический лингвострановедческий словарь – О.Л. Рублёва. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та 2010. – 276 с.
9. Груздев А.И. Концепция возвращения исторических географических названий в Приморье // Вторая Приморская краевая научно-практическая конференция «Исторические названия – памятники культуры». – Владивосток, 1992. С. 80. [Электронный ресурс]. URL: <http://toponimika.ru/?p=138>
10. Зуенко И.Ю. Китаеязычная топонимика Приморского края как результат межкультурного взаимодействия в Дальневосточном регионе // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 2011. № 17. С. 83–89.
11. Жуков И.И. Фадеев. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 333 с.
12. Горюнов А.А. Топонимика – источник изучения истории края // Исторические названия – памятники культуры: материалы научно-практической конференции. Владивосток, 1990. – 95 с.

13. Киселева М.О. Функционирование топонимов г. Владивостока // Исторические названия – памятники культуры: материалы научно-практической конференции. – Владивосток, 1990. – 95 с.
14. Калинин В.М. От литературной ономастики к поэтонимологии // Вопросы ономастики. 2006. № 1. 65 С.
15. Коваленко С.А. Александр Фадеев. – М.: Знание, 1976. – 60 с.
16. Колодей Л.В. Церковь в таежном углу [Электронный ресурс]. URL: <http://arseniev-eparhia.ru>
17. Кундель Н.И. Есть такое село на литературной карте // «Наше время». 14.11.2001 г. № 91. – 4 с.
18. Кучерявенко. В. Фадеев во Владивостоке – Мои статьи... [Электронный ресурс]. URL: http://museumprim.ucoz.ru/publ/v..._fadeev_vo_vladivostoke...
19. Ларькова Н. Наш земляк Александр // Бизнес Ар. 2017. № 26. С. 6–7.
20. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – М.: Аз, 1996. – 928 с.
21. Владивосток в названиях от «А» до «Я»: топонимический лингвострановедческий словарь. О.Л. Рублёва. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. – 220 с.
22. Рублева О.Л., Кулакова Е.А. Топонимическое пространство романа А. Фадеева «Разгром» // Филологические чтения памяти Н.И. Великой: сб. науч. ст. – Владивосток, 2006. С. 155–165 [Электронный ресурс]. URL: <http://toponimika.ru?p=47>
23. Сазыкин А.М., Глушко А.А. Краеведение в Приморском крае // Материалы научно-практической конференции, 2 апреля 2012 года. – Уссурийск, 2012. – 110 с.
24. Соловьёв Ф.В. Словарь китайских топонимов на территории советского Дальнего Востока. – Владивосток, 1975. – 221 с.
25. Творчество А.А. Фадеева в контексте русской литературы XX века // Материалы юбилейной научной конференции сент. 2001 г. – Владивосток, 2002. – 208 с.
26. Тыцких В.М. Сто лет – Фадеев остается // Творчество А.А. Фадеева в контексте русской литературы 20 века: материалы юбилейной научной конференции: Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2002. С. 70–78.
27. Фадеев А.А. Соч.: в 3 т. – М.: Худож. лит., 1981. Т. 1: Разгром; Рассказы, 1981. – 320 с.
28. Фадеев А.А. Письма дальневосточникам. – Владивосток.: Приморское кн. изд-во, 1960. – 464 с.
29. Фадеев А.А. О времени и о себе. – М.: Молодая гвардия, 1965. – 300 с.
30. Фадеев в портретах, иллюстрациях и документах / сост. Б.Л. Беляев, В.И. Зарахани, под общ. ред. А.С. Бушмина. – М.: Просвещение, 1964. – 340 с.
31. Фадеев А.А. Воспоминания современников. – М.: Сов. писатель, 1963. – 557 с.
32. Школьный топонимический словарь: пособие для учащихся среднего и старшего возраста. – М.: Просвещение, 1988. – 224 с.

А.П. Самар,
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН
г. Владивосток

ДУХИ-ХОЗЯЕВА ТАЙГИ УДЭГЕЙЦЕВ (ПО МАТЕРИАЛАМ В.К. АРСЕНЬЕВА)

Удэгейцы – один из самых малочисленных тунгусоязычных этносов, с давних пор населяют верхнее и среднее течение горных рек юга Дальнего Востока: Анюй, Хор, Самарга, Бикин, Иман. По этому принципу были названы территориальные группы. В отдельных источниках упоминается приморская группа удэгейцев.

В XIX веке удэгейцы были известны под этнонимами кякла, орочи, орочны, а с начала XX столетия – удихэ, удэге. Под этими этнонимами они были знакомы нижеамурским этносам: нанайцам, орочам, ульчам, негидальцам, нивхам. Названия и самоназвания, которые сформировались на территории Приморья и Хабаровского края и вошедшие в традиционный лексикон окружавших удэгейцев народов, являются подтверждением тесных этнокультурных контактов. Китайцы называли их юй-пъхи да-цзы, что означает «рыбокожие варвары», или «люди, одевающиеся в одежду из рыбьей кожи», у корейцев сохранилось название – учика, маньчжуры – кьякала, орочи – кьяка, негидальцы – олчан, эвенки – ламка, ламунка, нанайцы – намунка (ламунка, намунка – морские, приморские жители); нивхи – тозунг. В 20-х годах XX века их называли – удэхейцы [1, с. 3–4].

Уссурийская тайга, разнообразная во всех проявлениях, с красивейшими ландшафтами и удивительной природой, отличающаяся изобилием представителей животного и растительного мира, в полной мере являлась домом для удэгейцев. Окружающая природа полностью обеспечивала их всем необходимым, пропитание они добывали, занимаясь охотой на изюбря и кабана, с удивительной точностью бросали острогу, ловя тайменя и лосося, собирали плоды богатейшей уссурийской флоры. Поэтому тесная связь с многообразным миром тайги и населяющими её духами нашла отражение в представлениях о таежных духах – хозяевах таежных ресурсов. Удэгейцы наделяли их такими привычными элементами своего традиционного уклада, как семья, одежда, промысловыми орудиями, так же как и они на охоте и в передвижениях использовали собак.

Пантеон таежных духов удэгейцев имеет особую индивидуальность, отличается особым тонким знанием этих существ. Описания иерархии духов,